

авторы проявили исключительное внимание к характеристике развития болгарского феодализма, раскрытию вопросов формирования феодальной собственности, отношений феодальной зависимости, внеэкономического принуждения, феодальной ренты и ряда других проблем. Большой заслугой авторов является и то, что значительное место в работе они уделили вопросам истории классовой борьбы и народных движений.

Все это позволяет прийти к выводу, что болгарские медиевисты сделали крупный шаг вперед в изучении истории болгарского народа.

М. М. Фрейденберг

G. OSTROGORSKIJ. POUR L'HISTOIRE DE LA FÉODALITÉ BYZANTINE

Bruxelles, 1954, XVI + 388 p.

В последние годы за рубежом появился ряд книг и статей, освещающих историю социально-экономических отношений Византийской империи; это — исследование болгарского историка-марксиста Д. Ангелова, посвященное аграрным отношениям в Византии XIII в.¹, посмертно изданная книга французской византистки Ж. Руйяр², несколько статей П. Хараниса³, статья К. М. Сеттона, поставившего своей задачей дать характеристику основных черт аграрного развития Византии⁴, и некоторые другие. Одной из наиболее интересных работ, затрагивающих важные проблемы социально-экономической истории Византии, является и рецензируемая книга видного югославского историка Георга Острогорского „К истории византийского феодализма“. Она составлена из двух больших работ Г. Острогорского, опубликованных впервые в 1948—1951 гг. (одна на русском, другая на сербском языке)⁵, которые были заново отредактированы автором и снабжены ссылками и критическими замечаниями по поводу новой литературы; перевод этих трудов на французский язык был выполнен под редакцией А. Грегуара и П. Лемерля⁶.

Г. Острогорский — один из крупнейших современных византинистов, автор многочисленных общих работ и специальных исследований, давно уже занимающийся аграрной историей Византии⁷. Рецензируемая книга

¹ Д. Ангелов. Принос към поземелните отношения във Византия през XIII век. „Годишник на философско-историческия факултет“, кн. II. София, 1952.

² G. Rouillard. La vie rurale dans l'empire byzantin. Paris, 1953.

³ P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium in the XIIIth Century. „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“. Princeton, 1951; P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and Later. „Byzantinoslavica“, 12, 1951; P. Charanis. Economic Factors in the Decline of the Byzantine Empire. „Journal of Economic History“, 13, 1953, № 4.

⁴ K. M. Setton. On the Importance of Land Tenure and Agrarian Taxation in the Byzantine Empire from the IVth Century to the IVth Crusade. „American Journal of Philology“, 74, 1953.

⁵ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. „Byzantinoslavica“, 9, 1948; его же. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951.

⁶ К сожалению, редакторы снабдили книгу Г. Острогорского излишними и не всегда убедительными примечаниями полемического характера, затрагивающими частные вопросы.

⁷ См. его статьи: „Византийский податной устав“. „Сборник в честь Н. П. Кондакова“. Прага, 1926; „Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. „Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte“, 20, 1927;

написана на основании тщательного изучения разнообразных источников — как нарративных памятников, так и деловых документов.

Во второй части работы, озаглавленной „Византийские писцовые книги“, Г. Острогорский последовательно разбирает основные сохранившиеся до наших дней византийские поместные описи (практики) XI—XV вв. Изученный автором материал, сводимый им в ряде случаев в удобные таблицы, позволил сделать важные наблюдения, освещающие экономическую жизнь византийской деревни. Интересна, в частности, трактовка вопроса о размерах домениальных земель в византийском феодальном поместье. Самый факт обширности домена и раньше отмечался в исторической литературе — мимоходом говорит о размерах домениальной земли Ф. Дэльгер¹, но в отличие от последнего, полагавшего, что господское поле обрабатывалось трудом париков, Г. Острогорский впервые обратил внимание на незначительность отработочной ренты, не превышавшей в начале XIV в. одного дня в неделю (стр. 364 и сл.). Это наблюдение может быть подтверждено также данными Лампсакской описи, где идет речь о барщине, достигающей всего семи дней в году.

Интересен также анализ видов феодальной ренты и, особенно, наблюдение над тем, что рост феодальной ренты совершается в Византии преимущественно за счет дополнительных поборов (зевгаратикий и пр.) (стр. 357 и сл.). Убедительна трактовка аэрикона (aira), в котором Г. Острогорский видит судебные штрафы (стр. 360 и сл.), — особенно интересно его замечание о связи этой формы повинностей с общественной организацией византийской деревни.

Очень важен раздел работы, посвященный элевтерам (стр. 330 и сл.), в которых Г. Острогорский видит не социальную категорию (свободное крестьянство), но беглых крестьян, оседающих в поместьях новых господ². При этом Г. Острогорский совершенно правильно polemизирует с В. Мошиным, который чрезмерно преувеличил подвижность и текучесть византийского крестьянства; Г. Острогорский прав, когда утверждает, что не приходится сомневаться в существовании крепостного права в византийской деревне XIV в. (стр. 327). Чрезвычайно существенное значение имеют также разбросанные в разных частях его книги наблюдения относительно имущественного неравенства в среде византийского крестьянства (стр. 322 и др.)³.

Особое внимание следует обратить на трактовку Г. Острогорским вопроса о соотношении размеров ренты и облагаемого имущества крестьянина. Большинство византинистов при решении этого вопроса исходило из априорного предположения, что рента находится в функциональной зависимости от размеров имущества — спор шел только о том,

„Agrarian conditions in the Byzantine Empire“. „Cambridge Economic History“, I, 1942; „The Peasant's Pre-emption Right“. „Journal of Roman Studies“, 37, 1947; „Le grand domaine dans l'Empire byzantin“. „Recueil de la Société Jean Bodin“, 4, 1949.

¹ F. Dölger. Die Frage des Grundeigentums in Byzanz. „Bulletin of the International Committee of Historical Sciences“, 5, 1933, S. 8.

² См. его статью: Элевтери. Прилог истории сельштва у Византији. „Зборник филозофског фак. универзитета у Београду“, I, 1950. Следует лишь отметить, что среди элевтеров изредка могли встретиться и зажиточные крестьяне: так элевтер Феодор Семиак, живший во владениях монастыря богородицы Спиаиотиссы, платил огромную ренту в 10 перперов — см. Афонские акты. ВВ, т. 6, 1899, стр. 448 и сл.

³ Только недоразумением можно объяснить упрек, брошенный Г. Острогорскому Б. Т. Горьяновым (ВВ, т. III, 1950, стр. 272), в преувеличении благосостояния византийского крестьянина: речь идет лишь об „относительном благосостоянии“ населения одной деревни — Градец (стр. 313. См. стр. 254 русского текста, на которую ссылается Б. Т. Горьянов).

какие виды имущества учитывались при определении суммы ренты. Но уже такой внимательный исследователь, как П. В. Безобразов, хотя и стремился доказать наличие функциональной зависимости между имущественным благосостоянием семьи и размером платимой ею ренты, вынужден был признать „неравномерность и произвольность“ византийской системы обложения. Г. Острогорский, опираясь на гораздо более обширный документальный материал, приходит к более определенному наблюдению: неоднократно говорит он об отсутствии строгого и неизменного мерила, с помощью которого могла бы производиться раскладка податей (стр. 317, 335). Более того, Г. Острогорский делает очень важное наблюдение, когда пишет: „Всматриваясь в налоговые ставки беднейшего сельского населения, мы знакомимся с своеобразной чертой византийского налогового обложения, система которого прямо противоположна естественной для нас системе прогрессивного обложения... Получается, что при возрастающем имуществе налоговые ставки не увеличиваются, а, наоборот, сравнительно уменьшаются, т. е. наиболее бедные налогоплательщики платят относительно бóльшую, а наиболее богатые относительно меньшую подворную подать“ (стр. 337. Цитирую по стр. 276—277 русского текста)¹. Таким образом, Г. Острогорский отметил наличие в Византии одной из характерных черт феодальной ренты, которая — и это вполне понятно — имеет коренные отличия как от „естественной для нас“ поземельной ренты, так и от римской системы *capitatio—jugatio*.

Итак, исследование поместных описей, предпринятое Г. Острогорским, дало большое количество принципиально важных и новых выводов, касающихся социальной истории Византии XI—XV вв.; я не говорю уже о том, что благодаря труду Г. Острогорского теперь ярче вырисовывается история отдельных монастырских владений, уточняются даты составления тех или иных практиков [например, Зографский практик № 15 автор датирует 1300 г. (стр. 258), а Лаврскую опись дукса Василия — 1299 г. (стр. 282)]. Тем не менее нужно оговориться, что эта работа содержит в основном лишь материалы для истории аграрных отношений: поэтому в данной статье проблемы ставятся и решаются применительно к содержанию каждого отдельного практика; статья в большой степени является описанием поместных описей, нежели аграрных отношений, — и это несомненно ограничивает возможности автора.

Совершенно иной характер носит первая часть рецензируемой книги, посвященная истории византийской и южнославянской пронии (по недосмотру переводчиков заглавие первой части отсутствует как в тексте, так и в оглавлении).

Вопрос о пронии неоднократно обсуждался в специальной литературе, и тем не менее работа Г. Острогорского является первой попыткой систематического рассмотрения всей той массы источников — на греческом, латинском, славянских языках, — которые так или иначе затрагивают это учреждение. При этом автор детально рассматривает каждое известие, стремясь уточнить дату того или иного документа, проверить текст грамоты и дать, если надо, облегчающую понимание смысла конъектуру. Приведу несколько примеров такого тщательного обращения с источником, характерного для Г. Острогорского.

Давно уже вошла в оборот жалованная грамота критской знати,

¹ Аналогичное явление имело место и в других средневековых государствах, в частности — в Англии XIII в. — см. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М.—Л., 1947, стр. 306, 317.

которую издатели Ф. Миклошич и И. Мюллер датировали 1184 г.; эту дату приняли, не проверив, Ф. И. Успенский и Ф. Дэльгер; принята она и в моей книге¹. На самом же деле эта грамота была дана в октябре 6692 г., т. е. в 1183 г. (стр. 43 и сл.). Анализируя грамоту № 47 из собрания актов Афонской лавры, изданного Ж. Руйяр и П. Коломом, Г. Острогорский не только по-новому ее датирует (стр. 46—47), но и дает существенную конъектуру греческого текста.

Рецензируемая работа интересна не только тщательностью методики исследования, но и смелостью подхода к теме. Г. Острогорский рассматривает пронию как определенное явление в социальной истории Византии и соответственно этому исследует ее судьбы в связи с развитием общественной жизни империи (стр. 10). Прония выступает в его изображении как учреждение, связанное со всем социальным и политическим развитием Византии: торжество крупного землевладения, проникновение латинян, натиск турок, — все это по-своему влияло на историю пронии².

Особо должно быть отмечено стремление Г. Острогорского вскрыть классовые корни пронии: совершенно бесспорно проведенное в этой связи разграничение между пронией, которая была учреждением феодального класса, и стратиотскими наделами VII—X вв., связанными с крестьянской общиной (стр. 15). Именно исходя из принципа выяснения классовой сущности того или иного учреждения, Г. Острогорский правильно говорит о социальной однородности пронии и характеристики (стр. 17)³.

Развитие византийской пронии, по Г. Острогорскому, сводится к следующему. Прония возникает в XI в., после поражения политики императоров Македонской династии, направленной на защиту мелкого крестьянского и стратиотского землевладения⁴, — первое упоминание пронии приходится на время Константина IX Мономаха (1042—1055), который передал Константину Лихуду пронию Манганов (стр. 20 и сл.). В XI в. прония еще не имела характера военного держания, поскольку в это время господствовала чиновная, а не военная аристократия (стр. 24)⁵: прония являлась в то время „средством для наделения доходами представителей господствующего класса“ (стр. 27).

В период правления Комнинов прония превращается в особую форму феодальной земельной собственности, связанной с выполнением военной службы (стр. 27). При этом прония времен Комнинов не передавалась по наследству (стр. 31). Институт пронии расширяется и укрепляется в период Латинской и Никейской империи, но и в это время прониар — в отличие от вотчинника — остается временным господином своих париков, (стр. 68).

¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 204 и сл.

² Мы могли бы только упрекнуть Г. Острогорского в недостаточной строгости терминологии. Трудно, например, безоговорочно принять его утверждение, что прония была одним из элементов упадка Византии (стр. 16): как во всяком феодальном институте, в пронии — на разных этапах ее истории — воплощались и прогрессивные, и реакционные стороны феодального порядка. Однако важны не отдельные формулировки, а общая тенденция — изучать историю пронии в связи с историей общества.

³ В разделе о характеристике (гл. II) следовало бы учесть работу М. Я. Сюзюмова („Проблемы иконоборчества в Византии“. „УЗ Свердловского государственного педагогического института“, вып. IV, 1948).

⁴ В советской историографии дается иное толкование вопроса об аграрной политике императоров Македонской династии.

⁵ См. также: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, S. 225. Cp. P. Charanis. On the Social Structure, p. 95.

Впервые принцип наследования прониарских земель был введен в конце XIII в. при императоре Михаиле VIII Палеологе, но и то это мероприятие коснулось лишь отдельных лиц, а в целом прония продолжала оставаться условным и временным военным владением (стр. 93—95; ср. стр. 133). Более того, даже превращенная в наследственную прония не становилась полной собственностью феодала — в частности, не могла быть отчуждена (стр. 134).

Чрезвычайно интересны наблюдения Г. Острогорского за эволюцией прониарского землевладения в середине XIV—начале XV вв. Этот период истории Византии до настоящего времени был плохо изучен, и выводы автора в этой части являются совершенно новыми и свежими. Собранный им материал убедительно свидетельствует, что земельная собственность монастырей сократилась и половина монастырских земель была передана прониарам; более того, на оставшихся землях монастыри перестали быть полными хозяевами и должны были поступиться частью ренты в пользу прониаров (стр. 169). Это обстоятельство, порожденное военной необходимостью, объясняет, по мнению Г. Острогорского, недовольство монашества политикой византийского правительства и позволяет понять, почему византийские монахи так легко смирились с установлением турецкого господства (стр. 173).

Работа завершается анализом известий о пронии в последние годы существования империи, когда распространение проний вело к ослаблению государственной власти (стр. 180), а также рассмотрением особенностей пронии в Сербии и в венецианских владениях в Зете.

Вопрос о пронии — один из самых трудных вопросов в истории Византии. Источники, освещающие его, скудны и противоречивы; поэтому совершенно естественно, что и после работы Г. Острогорского остается немало невыясненных вопросов, а иные из его положений оказываются гипотетичными и спорными. Впрочем, и противоположные взгляды, высказываемые далее, также могут в настоящее время рассматриваться лишь в качестве рабочей гипотезы.

Так как большинство источников, касающихся пронии, относится к XIII и началу XIV в., то я и начну с рассмотрения пронии именно этого времени. Для пронии XIII—XIV вв., по мнению Г. Острогорского, характерны следующие черты.

1. В экономическом отношении прония представляет собой феодальное поместье, не отличающееся в принципе от вотчины (стр. 105). Она отличается только своей подчиненностью государственной власти, которая выступает в качестве *dominus eminentis* (стр. 138).

2. Пронией наделяются стратиоты за военную службу, а также высшие вельможи, включая родственников правящего дома, — эта знать получает пронии в награду за свои „заслуги“ или за знатность (стр. 102). Церковь не могла обладать пронией (стр. 137; ср. также, стр. 60, прим. 4 и стр. 168).

3. Прония имела условный характер: прониары не могли распоряжаться своими землями, не могли их продавать, дарить, передавать монастырям и т. д. (стр. 134 и сл.).

Начну с конца. Представление о византийской пронии как условной земельной собственности было создано не на византийском, а на венецианском материале; в византийских актах встречается немало известий о возможности свободно отчуждать пронию. Сам Г. Острогорский приводит грамоту 1344 г., в которой описание прав прониара таково, что их трудно характеризовать иначе как полную собственность (стр. 131). Г. Острогорский, правда, считает этот акт исключением, но примеров

такого „исключения“ можно было бы привести немало. Хрисовул Андроника II Палеолога от 1325 г. утверждает продажу пронии в 300 перперов (*κτῆμα ποσότητος ὑπερπύρων τριχασίων*), принадлежавшей родственнице императора Феодоре Палеолог; купивший землю афонский монастырь Зограф уплатил за нее 3000 перперов (Зогр., № 22. 3—10)¹. Меникийский монастырь получил в дар от некоего Маргарита пронию (экономию) в 100 перперов (ММ, V, р. 113. 8). В грамоте, полученной игуменом Гервасием, прямо было оговорено, что он имеет право отчуждать кому угодно (*παρὰπέμψαι αὐτὴν πρὸς ὅπερ ἂν ἐθέλωσιν πρόσωπον*) принадлежавшую ему пронию (экономию) в 40 перперов (Хил., № 126. 18).

Отчуждать пронию могли и прониары-воины. Пахимер свидетельствует, что к 1282 г., когда Андроник II вступил на престол, одни стратиоты настолько увеличили размеры своих проний, что вовсе перестали нести военную службу, предпочитая подкупать начальников; другие же, лишившись своих экономий, пребывали в бедственном положении².

Далее. Некоторые источники позволяют предположить, что пронии могли входить в состав церковных владений. Сам Г. Острогорский привлекает к исследованию Зографский акт № 53, который упоминает церковные и монастырские пронии (*ἐκκλησιαστικῶν προνοιῶν καὶ μοναστηριακῶν*); однако, по его мнению, терминология этой грамоты является неточной (стр. 104—105, прим. 1): он считает, что монастырские пронии — это бывшие пронии, переданные монастырям и превращенные в полную собственность (стр. 131, 138).

Однако подобная „неточная“ терминология встречается в источниках слишком часто. Обратимся прежде всего к поместной описи 1300 г., составленной податным инспектором Солунской фемы Димитрием Апельмене, т. е. человеком, от которого мы вправе ожидать относительной точности и строгости терминологии. Апельмене говорит в преамбуле, что он получил императорскую простагму, повелевавшую составить опись и „вручить“ каждому его пронию (*τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*); среди других он нашел пронию (экономию), принадлежавшую святогорскому монастырю великомученика Георгия, именуемому Зографским (Зогр., № 15.1—6). Аналогичную формулировку мы находим и в практике монастыря Ксенофон, составленном в 1318 г. Там говорится, что податные инспекторы Солунской фемы получили распоряжение „вручить“ каждому его пронию (*τὴν τῆς ἰδίας οἰκονομίας αὐτοῦ ποσότητα*) (Ксен., № 6.3); в соответствии с этим была составлена опись ксенофских владений в Стомии. В 1320 г. была составлена опись владений архонтов, церквей и стратиотов Солунской фемы; в числе этих владений названа и экономия, принадлежавшая Зографскому монастырю (Зогр., № 17. 8). Во владениях Зографского монастыря находилась также обширная прония (экономия) в Иериссе, переданная Андроником III Палеологом за счет владений севаста Девлецина (Зогр., № 27. 28—31).

В 1262 г. был составлен практик владений епископии Кефалонии. В нем перечислены хорафии и виноградники, принадлежавшие различным монастырям, а в конце практика названы монастырские „люди пронии“ (*οἱ ἄνθρωποι τῆς προνοίας*) (ММ, V, р. 66.3): практик перечисляет их вместе с женами и детьми, упоминая также их ренту. Пронии были и у трапезундского монастыря Сумела (ММ, V, р. 279.5). Наконец, Пахимер сообщает, что пронии жаловались монастырям, церквам и царским телохранителям³.

¹ Термин *ποσότης* тождественен пронии.

² P a c h y m e r e s. De Michaele et Andronico Paleologis, vol. II. 1835, р. 258.13.

³ Ibid., р. 390. 3. Cf. ibid., II, р. 163. 2—4.

Не только монастыри и церкви, но и отдельные представители духовенства получали пронии. Я уже упоминал игумена Хиландарского монастыря Гервасия: ему принадлежала прония в деревне Худина (Хил., № 126.11). По словам Кантакузина, пронией был награжден солунский архиепископ Григорий Палама, бежавший на Лемнос от восставших в Солуни зилотов¹.

Наконец, и женщины могли обладать прониями: уже Г. Острогорский привел два случая (Ксения Султанова и жена некоего Саракина) (стр. 131); к этому следует прибавить известие Кантакузина о том, что Апокавк обещал пожаловать пронию сестре Асеня².

Если присоединить к этому бесспорный вывод Г. Острогорского о том, что пронии получали представители высшей византийской аристократии (стр. 102), тезис об исключительно военном характере пронии — во всяком случае для XIII—XIV вв. — едва ли может считаться строго доказанным.

Нам остается рассмотреть теперь первый тезис Г. Острогорского. Действительно, прония XIII—XIV вв. являлась по существу формой феодальной собственности, которая экономически реализовалась в феодальной ренте, и в этом смысле прония XIII—XIV вв. не отличалась от обычной феодальной вотчины.

Столь же бесспорно, что по отношению к пронии государство выступало как верховный собственник, располагая, в частности, правом безоговорочной конфискации прониарских владений: Г. Острогорский (стр. 139 и сл.) приводит убедительные примеры таких акций государственной власти.

Возникает вопрос, могло ли государство конфисковать только прониарские владения или же это право распространялось на всякие земельные владения. По мнению Г. Острогорского, „аллодиальная“ собственность подлежала конфискации лишь в исключительных случаях — например, в наказание за измену (стр. 139). Однако, мне кажется, что вопрос этот еще нуждается в дополнительном рассмотрении.

Специальным термином для обозначения такой конфискации служил глагол *ἀποσπᾶν*. Он встречается уже в послании болгарского архиепископа Феофилакта, писавшего на рубеже XI и XII вв. Феофилакт жалуется, что у его церкви была конфискована (*ἀποσπασθέν*) деревня, которая с древнейших времен (*ἐξ ἀρχαίων τῶν χρόνων*) принадлежала болгарской церкви³; недоумевая, спрашивает он о причинах, побудивших согнать с земли „рабов императора“⁴.

В данном случае, естественно, не может быть речи о пронии — и тем не менее право императора конфисковать землю не вызывает у Феофилакта сомнения.

В хрисовуле Иоанна V Палеолога, датированном сентябрем 1360 г., идет речь о земле, конфискованной (*ἀπεσπᾶσθη*) у ряда архонтов и переданной монастырю Хиландарь (Хил. № 150. 7—13); у нас нет оснований считать владения этих архонтов пронией, а владельцев — стратиотами: один из них назван „сыном каниклея“, т. е. чиновника императорской канцелярии. Георгий Цаусий Мелисин подарил Лемвийскому монастырю землю, которая была пожалована ему императором взамен конфискованных у Мелисина домов (ММ, IV, р. 267).

¹ Cantacuzenus. Historiarum libri IV, Bonnae, 1828—1832, III. p. 105. 12.

² Ibid., II, p. 278. 5.

³ PG, t. CXXVI, col. 533. D.

⁴ Ibid., col. 536. A.

Об аналогичной конфискации говорит и грамота, составленная около 1319 г. игуменом Ватопедского монастыря Нифонтом (Хил., № 44): в ней идет речь о земле близ деревни Аздравикий, которая принадлежала Ватопеду, но затем специальным императорским хрисовулом была передана Хиландарскому монастырю, что привело к возникновению споров и тяжб между монахами обеих обителей.

Эти факты позволяют предположить, что в Византии император выступал как *dominus eminens* не только прониарских, но и патримониальных, в том числе церковно-монастырских земель. Именно это право давало ему юридическое основание для передачи стратиотам половины монастырских земель, осуществленной, как убедительно показал Г. Острогорский (стр. 161 и сл.), после поражения при Марице в 1371 г.

С представлением Г. Острогорского о пронии как о специфической форме условной собственности (стр. 67 и сл.) связано, как мне кажется, неточное истолкование известного постановления Димитрия Торникия, запрещавшего парикам продавать землю прониарам этой земли (ММ, IV, 199); речь идет о конце этого постановления, где сказано: *ὡς ὑπὸ τὴν δημοσίου χεῖρα αἰτίποτε τελοῦντα*. Обычно это место относят к паричской земле и переводят: „[крестьяне, находящиеся под пронией, не должны были продавать своих наделов прониарам], чтобы земля эта не вышла из подчинения государству“.

Г. Острогорский возражает против традиционного перевода. Он полагает, что чиновник XIII в. не мог требовать, чтобы паричская земля всегда оставалась под контролем государства, ибо в то время существовали парики патримониальные и находившиеся на иммунитетных территориях, т. е. не подчиненные казне. Бесспорно, в Византии XIII в. значительное число париков принадлежало вотчинникам и не находилось „под рукой“ государства — однако постановление Димитрия Торникия не имеет их в виду: там идет речь о зависимых крестьянах, которые имеют землю (*τὰ παρ' αὐτῶν κατεχόμενα*), находящуюся в то же время под властью прониаров (*οἱ κατὰ λόγον προνοίας ἔχοντες αὐτά*). Естественно, что земля этих крестьян считалась государственной (ср., например, анализ тяжбы крестьян-малахиотов и Патмосского монастыря, стр. 69—71), тогда как продав свои наделы прониару, они превратили бы эту землю в патримоний феодала.

Рассматривая пронию как форму условного землевладения, Г. Острогорский стремится установить различие терминологии при определении объема прав прониара и собственника; по его мнению, право прониара характеризуется глаголами *ἔχειν*, *κατέχειν*, тогда как для выражения „полной собственности“ употребляется глагол *κέρκτησθαι* (стр. 98). Однако с этой гипотезой трудно согласиться. В кодексе Лемвийского монастыря встречаются — иногда плеонастически — самые различные термины для обозначения собственности. Например: *ταῦτα τῇ μονῇ διαφέροντα, παρ' αὐτῇ κατέχοντά τε καὶ νέμοντα*, а несколько ниже — *ἡ ῥηθεῖσα μονῇ ἀκινήτων ἐκέρκτητο* (ММ, IV, р. 62). В купчих грамотах, составленных в XIV в., нередко употребляется для обозначения права собственности термин *κατέχειν*, а иногда даже — *εἰς τὸ ἐξῆς κατέχειν* (Хил., № 89.33), что, как мне представляется, противоречит гипотезе Г. Острогорского¹.

Одним из самых серьезных аргументов в защиту представления об условном характере пронии является ее противопоставление гоникону,

¹ Ф. Дальгер (F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. München, 1927, S. 143), справедливо считает *ἔχειν* и *κέρκτησθαι* синонимами, противопоставляя их термину *νέμεσθαι*. Однако еще недостаточно ясно, насколько четким на практике XIII—XIV вв. было разграничение между *ἔχειν* и *νέμεσθαι*.

владению *κατὰ λόγον γονικότητος*, которое рассматривается со времен работы Ф. И. Успенского как вотчина. Г. Острогорский использует этот аргумент, хотя и указывает на трудности, связанные с таким истолкованием термина гоникон: он справедливо отмечает, что применение выражения *κατὰ λόγον γονικότητος* к монастырским владениям является чистой бессмыслицей (стр. 133). Но это не единственная трудность, связанная с многозначным термином гоникон: он может означать и *titulus acquirendi* (земля, полученная от родителей), и состояние привилегированности, — но вовсе не всегда понятие „наследственная земля“¹.

Таким образом, представление Г. Острогорского о военно-условном характере пронии не может быть безоговорочно распространено на византийскую пронию XIII—XIV вв. Что же касается пронии более раннего времени, то она, к сожалению, крайне скудно освещается в источниках.

Известий о пронии XI в. (до Алексея Комнина) Г. Острогорский приводит два: одно — это неопределенное свидетельство Атталиаты о раздачах проний и чинов в правление Михаила VII Дуки (1071—1078) (стр. 22—23); из слов Атталиаты мы не узнаем ни что было роздано, ни кому, ни на каких условиях. Второе известие — Г. Острогорский считает его первым упоминанием пронии (стр. 20) — касается пожалования Константину Лихуду пронии Манганов; однако имеются основания думать, что этот рассказ Скилицы о пронии Манганов имеет в виду не пожалование поместья, а передачу Лихуду куратории Манганов².

Таким образом, нам пока следует воздержаться от суждения о характере пронии в середине XI в.

Для времени правления Комнинов источников, прямо говорящих о пронии, также очень мало. У Анны Комнины мы встречаем неопределенное упоминание „проний на суше и на море“, а Никита Хониат вовсе не пользуется этим термином. Г. Острогорский справедливо отмечает, что в нарративных источниках времени Комнинов мы тщетно будем искать ясные известия о пронии (стр. 31). Поэтому он обращается к актам — прежде всего, к актам Лавры св. Афанасия. Первый из этих актов, упоминающий пронию, датируется только 1162 г. (Lavra, № 57).

Прежде чем рассматривать данные лаврских грамот, я хотел бы обратить внимание на два акта конца XI в., где мы находим упоминание пронии (экономии), но которые не стали однако предметом исследования Г. Острогорского. По приказу Алексея Комнина Ксенофон прот Павел составил в 1083 г. опись владений монастыря Ксенофон; она начинается с владений на самом Афоне, а затем переходит к перечислению собственности за пределами святой горы: здесь опись называет земли, зависящих крестьян, дома в Солуни, скот. Среди других владений названа экономия над монастырем Кекавменов и Ладиры, [приносящая ренту] около 200 перперов (Ксен., № 1.221).

Самая формулировка настолько напоминает клаузулы грамот XIV в. (*οἰκονομία ποσότητος* столько-то перперов), что у нас отпадают всякие возможности кривотолков: в ксенофской грамоте термин *οἰκονομία* употреблен не в безразличном значении „забота“, но как технический термин.

¹ Данные актов, изданных Ф. Дельгером, позволяют уточнить наши представления о гониконе. Земля, находившаяся на праве гоникона (*κατὰ λόγον γονικότητος*), могла быть отнята у монастыря (Афон, № 62.5, 1338 г.) и, следовательно, не являлась вотчиной в полном смысле этого слова. В хрисовуле Иоанна Кангакузина от 1349 г. гоникон — подобно пронии — устанавливается в строго определенном размере: 100 перперов (Афон, № 10.2).

² А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 212 и сл.

Менее четко выступает термин *οἰκονομία* в другой грамоте. В 1087 г. прот Сава и совет Афона составили описание границ монастыря Халд; в изготовленной по этому случаю грамоте, в частности, было сказано, что монахи халдского монастыря обратились к проту Павлу с просьбой дать им некую экономию для их пропитания (*οἰκονομίαν γενέσθαι αὐτοῖς τινὰ εἰς διατροφήν αὐτῶν*) (Фил., № 1.36—37). Вняв их просьбе, прот Павел изучил старые грамоты, в которых речь шла о земле (*τόπος*), отведенной монахам Халда (там же, строка 45), и в соответствии с этими грамотами наделил их (*παρέδωκεν τῷ μέρει τοῦ Χάλδου*) (строка 56).

Если даже мы скептически отнесемся к грамоте 1087 г., то и описи 1083 г. достаточно для того, чтобы предположить, что и во времена Комнинов монастыри могли обладать прониями; следовательно, и в это время прония не была специфически военным держанием. Этот вывод заставляет нас пересмотреть и вопрос о наследственности проний.

Приведенный Г. Острогорским (стр. 31) отрывок из соглашения крестоносных вождей и венецианцев в 1204 г. свидетельствует, что в XII в. на территории Византии могли существовать наследственные феоды — но мы, разумеется, не в праве распространить это положение, относящееся к феоду вообще, на пронию. Обратимся поэтому к византийским актам, упоминающим пронию.

Датированная 1162 г. грамота Иоанна Контостефана, солунского дукса (Lavra, 57), говорит о тяжбе между монахами Лавры Афанасия и стратиотом Панкратием Анемой, в пронии которого находился населенный париками проастий Архонтохорион, расположенный по соседству с монастырскими владениями; до Панкратия эта прония принадлежала трем стратиотам: Роману Рентину и братьям Лукитам (строки 64—67). Этим прониарам монастырь дал участок земли на определенных условиях: парики прониаров могли засеивать его, но не должны были строить там своих жилищ (строки 68—70); кроме того, монастырский участок не должен был переходить к тому, кто будет прониаром проастия Архонтохорион после Романа Рентина и братьев Лукитов (строки 75—78).

Можем ли мы из содержания этой грамоты сделать вывод, что прония была условным владением и не наследовалась? Пожалуй, прямых сведений решение Иоанна Контостефана нам не дает; более того, владение проастием Архонтохорион противопоставляется владению монастырским участком; последнее, действительно, имело условный и пожизненный характер. Как бы то ни было, ничего определенного о наследовании пронии этот акт не сообщает.

Другие лаврские акты, привлеченные Г. Острогорским, либо вовсе не упоминают пронии (Lavra, 45, 51) и, следовательно, их данные могут быть привлечены лишь гипотетично, либо же упоминают пронию в таком контексте, который нуждается в конъектуре (Lavra, 47) и, соответственно, всегда останется спорным. Критская грамота 1183 г., о которой уже шла речь, была привлечена еще Ф. И. Успенским для характеристики пронии — однако в этой грамоте, повидимому, нет противопоставления пронии и вотчины, которое усмотрел в ней Ф. И. Успенский и которое видит также автор рецензируемой книги (стр. 45)¹.

Наконец, Г. Острогорский указывает, что экономию упоминает Михаил Акоминат (стр. 54), — но и это место также достаточно неопределенно.

¹ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 204—205.

Можно видеть, что материал, касающийся пронии XI—XII вв., настолько скуден и спорен, что рисовать эволюцию пронии оказывается делом чрезвычайно трудным; предположение, что прония XI—XII вв. была условным, временным военным держанием, противоречит некоторым источникам и может быть принято лишь в качестве гипотезы.

В чем же следует искать специфические черты пронии? Прежде всего, обращает на себя внимание, что прония обычно выступает как право на определенную сумму (*ποσότης*) ренты, измеряемую в перперах. Еще иногда и в XIII в., как правильно отмечает Г. Острогорский (стр. 71), „пожалование земли в пронию не создавало права собственности“¹.

Именно поэтому прония могла уживаться с иным вещным правом на тот же объект. В изданной Ф. Дэльгером описи 1409 г. отчетливо противопоставлены права землевладельца и прониаров: землевладельцу (монастырю Дохиар) крестьяне были обязаны обычной рентой и барщиной, а также дополнительными поборами с зевгарей, с пчел и т. п. — тогда как прониарам они вносили с той же земли определенную ренту два раза в год (Афон, № 63.20 и сл.).

Итак, прония — это первоначально право на ренту, преимущественно с земли, но также и с других доходных статей (рыбного садка, например); по мере развития феодальной системы хозяйства она сплошь да рядом превращается в феодальное поместье обычного типа, хотя иной раз очень долго сохраняет специфические черты.

Еще совсем недавно вопрос о феодальных учреждениях в Византийской империи не был предметом исследования в зарубежной историографии, самая постановка вопроса о византийском феодализме казалась „ересь“. Объективно это вело к признанию принципиального различия судеб „Запада“ и „Востока“ и должно было служить одним из средств идеологического разобщения Западной и Восточной Европы. Поэтомu книга Г. Острогорского, в которой исследуется феодальная рента и положение феодально-зависимого крестьянства, феодальная собственность и структура класса феодалов, книга, где в полный голос говорится о феодализме в Византийской империи, имеет не только научное, но и большое общественно-политическое значение. Она помогает покончить с вредным мифом об особом укладе деспотического „Востока“, будто бы не знавшего феодальной системы; она вскрывает принципиальное единство исторических путей развития Запада и Византии².

Изучение истории Византии крайне трудно: недостаток источников препятствует выяснению многих явлений ее социальной истории. Исследователю, занимающемуся историей общественной жизни, поневоле приходится уделять пристальное внимание филологическим и дипломатическим проблемам, анализу неясных терминов, кропотливому разбору отдельных грамот. И все же многие вопросы — иногда очень существенные — остаются спорными и нерешенными. Однако дискуссионный характер некоторых гипотез Г. Острогорского не помешает высокой оценке его книги.

А. П. Каядан

¹ Точнее было бы сказать, что юридически прония не составляла собственности на землю. Однако коль скоро прония получила экономическую реализацию в ренте, она по существу была не чем иным, как особой формой феодальной собственности. Ср. А. П. Каядан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 216. П. Харанис (P. Charanis. On the Social Structure, p. 97) также определяет пронию как пожалование приносящих ренту угодий — обычно, но не всегда земельных.

² Зарубежные рецензенты книги Г. Острогорского скептически относятся к применению термина „феодализм“ для характеристики византийских условий. См. A. Abel. „Le Moyen Age“, 61, 1955, p. 506 sq.; R. Guiland. „Byzantinoslavica“, 16, 1955, p. 352.